

наповнено, за словами вченого, діалогічними обертонами, «без урахування яких не можна до кінця розуміти стиль висловлювання» [2, с. 412]. Кожне висловлювання започатковується мовцем з урахуванням можливих реакцій-відповідей, заради яких воно і створюється.

Всі висловлювання, як зазначає вчений, будуються «ніби назустріч цій відповіді». У цьому контексті М. Бахтін виокремлює ще одну ознаку висловлювання, а саме – його зверненість до когось, його адресованість. Отже, на відміну одиниць мови, слів та речень (які є нічийми, безособовими) кожне висловлювання має і автора (з його експресією), і адресата. М. Бахтін зазначає таке: «кому адресоване висловлювання, як мовець, чи той, хто пише, відчуває і уявляє собі своїх адресатів, яка сила їхнього впливу на висловлювання – від цього залежить і композиція, і, особливо, стиль висловлювання. Кожний мовленнєвий жанр у кожній сфері мовленнєвого спілкування має свою, типову концепцію адресата, яка визначає його жанр» [2, с. 413].

Учений досить розгорнуто характеризує специфіку мовленнєвих жанрів залежно від адресата висловлювання.

Висновок: людина як дієва істота задіяна в різні види людської діяльності, які обов'язково супроводжуються мовленням. Мовлення кожної окремої особистості складається з різних висловлювань (усних, письмових) в залежності від конкретної сфери діяльності. Кожне висловлювання має свою структуру побудови і тематичний зміст, стиль і композицію. Кожне висловлювання суто індивідуальне, натомість кожна сфера діяльності має свої усталені типи висловлювань – мовленнєві жанри, які, на нашу думку, вимагають міждисциплінарного дослідження у психології, педагогіці, мовознавстві та лінгводидактиці.

Список використаних джерел:

1. Чаплеєвич Євгеніуш. Діалогічне мислення Михайла Бахтіна / Євгеніуш Чаплеєвич. – Література. Теорія. Методологія. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 176-197.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: «Искусство», 1986. – С. 444.
3. Бахтін Михайло. Висловлювання як одиниця мовленнєвого спілкування / Михайло Бахтін. – Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст., за ред. Марії Зубрицької. – Львів: Літопис, 2001. – С. 406-418.
4. Зинченко В.П. Вклад М.М. Бахтина в психологию сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2013. – № 3. – С. 3–21

Маслова В.А.

*ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск
Профессор, доктор филологических наук*

УДК 81'73

ПРИНЦИП ДИАЛОГИЗМА М.М. БАХТИНА И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ФИЛОЛОГИИ

Статья посвящена проблеме развития диалогической концепции М.М. Бахтина в современной филологии. Диалог понимается нами это не просто взаимодействие разных смысловых позиций, как считал М.М. Бахтин, а особый тип отношений, когда за каждой репликой просматриваются самостоятельные языковые личности во всем их многообразии.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, полилог, интертекстуальность, текст.

M.M. BAKHTIN'S PRINCIPLE OF DIALOGISM AND ITS REFRACTION IN PHILOLOGY

The article is devoted to the problem of development of M.M. Bakhtin's dialogical concept in modern Philology. Dialogue is understood by us not just as the interaction of different semantic positions (as M.M. Bakhtin believed), but as a special type of relationship, with each replica reflecting independent linguistic personalities in all their diversity.

Key words: dialogue, dialogue, polylogue, intertextuality, text

Введение. В современной гуманитарной науке диалог выходит за рамки простой формы коммуникации и обретает бытийный статус. Еще М. Бахтин считал, что именно диалог – это социальное событие, заключающееся во взаимодействии присутствующих собеседникам различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь. Однако современная наука дополнила это понимание: диалог – это не просто взаимодействие разных смысловых позиций, а особый, сложный тип отношений, когда за каждой репликой стоят самостоятельные языковые личности. Поэтому главное диалог языковых личностей во всем их многообразии.

Цель данной статьи – показать возможности учения М.М. Бахтина о диалоге и полилоге для решения проблем современной филологии.

Материал и методы. Материалом для данного исследования явились работы М.М. Бахтина по проблемам диалога и тексты художественной литературы, на которых были продемонстрированы возможности концепции М.М. Бахтина. Методы исследования – наблюдение, описание, когнитивный и лингвокультурологический анализ художественного текста.

Результаты и их обсуждение. Именно М.М. Бахтин сказал, что диалогичность – это реальность языка и единственная форма его существования, хотя многими исследователями до сих пор диалог называется одной из форм существования языка.

Диалог пронизывает и мышление, которое тоже социально и диалогично. Платон один из первых заметил несовпадение идеальных форм содержания сознания с реальным миром. По М. Бахтину, первичен диалог сознания с миром.

М. Бахтин считал, что высказывание как единица общения характеризуется, во-первых, обязательной сменой речевых субъектов (партнеров диалога) и, во-вторых, специфической завершенностью, позволяющей занять определенную ответную позицию. С его точки зрения важна сама диалогическая природа текста: «Диалогичность познания закрепляется в структуре готового текста» и далее – «диалог – не вместительница мысли, а источник ее движения» [2].

В современной лингвокультурологии и литературоведении, вслед за бахтинским понятием диалога, появляется понятие полилога – широкого обмена смыслами, значениями, в которые вступает каждый новый автор и каждый новый текст. Это так называемый «парадокс многоголосия», который полностью зависит от читателя, способного его уловить. М.Эпштейн пишет: «Все языки и все коды, на которых когда-либо человечество общалось само с собой, все философские школы и художественные направления теперь становятся знаками культурного сверхъязыка, своего рода клавишами, на которых играют полифонические произведения человеческого духа. Никому не придет в голову утверждать, что одна клавиша лучше другой, – все они равно необходимы для того, чтобы могла звучать музыка» [5]. В диалог вступает не только текст с текстом, но это также диалог между автором и читателем, исследователем и читателем, автором и исследователем, текстом и автором, текстом и читателем, текстом и исследователем, реальным читателем и исследователем и т.д.; более того, текст может вступать в диалог с

самим собой, когда в нем одновременно сталкиваются несколько позиций. Например, у И.Бродского:

*... несло горелым
с четырех сторон – хоть живот крести;
с точки зрения ворон – с пяти* (И. Бродский).

Данный пример как нельзя лучше подтверждает следующую мысль М.М. Бахтина, который писал: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи, – с ними можно только диалогически общаться» [3, с. 4].

Опираясь на эти и другие мысли М. Бахтина, мы понимаем диалог не просто как речевое взаимодействие субъектов или как взаимодействие присущих им различных смысловых позиций, различных пониманий того, о чем идет речь, но как взаимодействие целостных языковых личностей. Причем диалог может возникать и у одного субъекта, у которого сосуществуют различные позиции.

Диалог – это основная форма речевого поведения. Например: анекдот о понимающем и ведущим успешный диалог муже: *Позвонила мужу. Спрашиваю: – Ты меня сильно любишь? Отвечает: Покупай.*

Любой текст, а художественный даже в большей степени, – это полилог, который обслуживается полифоническим мышлением, в свою очередь, оно выливается в интертекстуальные связи. Это свидетельствует о тенденции современной литературы представлять мир в его многоплановости и противоречивости, но цельности. Интертекстуальность осложняет процесс общения автора и читателя, ибо эти многомерные интертекстуальные связи могут быть восприняты только подготовленным читателем, обладающим значительной культурной компетенцией. Если такой читатель не находится, текст остается не до конца понятным, упрощенным. При обучении студентов на эти связи нужно специально обращать внимание, помогать их отыскать.

Вся выдающаяся поэзия – это такая, в которой темы, мотивы, образы, смыслы мерцают один сквозь другой. Например: *Бессонница. Комар./ Такая полоса./ Я списывал рецепт/ И, изучая вина,/ Последствия сравнил/ Как будто полюса, / И вышло, что на всех/ Одна и та же льдина...* (А.Воловик // ВЛ, 2001, №4). Здесь открытый диалог с Мандельштамом, но зашифрован и диалог и с античными поэтами, и с И. Бродским.

Даже в произведениях детской литературы мы видим мерцающие смыслы других текстов, их образов. Так, Крокодил в "Телефоне" К. Чуковского – это тот же самый Крокодил, что с Тотошей и Кокошей на двенадцать лет раньше проходил по бульвару в "Крокодиле", а чуть позднее, но до "Телефона", проглотив *мочалку словно галку*, помог герою "Мойдодыра". Для детского восприятия такой старый знакомый очень важен: он способствует формированию текстового универсума у молодого русского читателя.

Должна быть готовность читателя понять текст, его активная мыследеятельность и настроенность души. Эпоха, личный опыт, эстетические пристрастия, темперамент, общая культура читателя внесут свои поправки в авторские смыслы. Отсюда вывод: образованный читатель необходим литературе.

Внимание к проблеме читателя идет еще из античности. В России интерес к читателю начинается работами А.А. Потебни, который писал, что читатель может лучше самого поэта постигнуть идею его произведения, проблема активно продолжает разрабатываться в 20-е годы – в трудах Н.А. Рубакина, А.И. Белецкого и др. Так, Н.А. Рубакин утверждал, что мертвые физические раздражители – знаки текста – сами по себе ничего не означают, а лишь обеспечивают возможность вызвать те или иные психические переживания в каком-либо человеке, умеющем читать письма данного языка. Теперь эту мысль разделяют философы (А.М. Пя-

тигорский), психолингвисты (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов) и представители других наук. Например, в работах Ю.А. Сорокина, В.А. Пищальниковой рассматривается вопрос о роли адресата, его влиянии на организацию текста.

Итак, текст должен непременно восприниматься человеком, без которого существует лишь «тело текста», т.е. звуковой шум или цепочки графем, не являющихся знаками в собственном смысле слова до тех пор, пока не появится человек, способный приписать им значение. Отсюда следует, что письменный художественный текст не содержит в себе ничего, кроме типографских знаков. Только когда книгу читают, она превращается в произведение: в воображении читателя возникает целый мир. Этот мир – ментальное образование, виртуальная реальность, ради которой и создается сам текст. Но в тексте этого мира нет, там есть только сигналы, которые будят воображение читателя. Значения и смыслы принадлежат сфере ментальности.

В постмодернистской литературе еще более выпячивается роль читателя. В статье Р. Барта 70-х годов «Смерть автора» предлагается заменить автора скриптором, т.е. создателем. Р. Барт предлагает «восстановить в правах читателя» [1, с. 380]. И современные писатели это успешно делают. Так, если при чтении «Хазарского словаря» Павича читателю только предлагаются варианты чтения, но все же от него зависит, воспользуется он этим или нет, то в его пьесе «Вечность и еще один день» читатель обречен на выбор собственного варианта чтения. На активное сотворчество с читателем рассчитан роман А. Битова «Оглашенные» (1995). Помимо обычного чтения, автор предлагает еще 22 «с лишним» способа чтения, при которых каждый раз возникает новая версия. Границы романа разомкнуты, смыслы вступают между собой в новые связи, генерирующие новые значения в открытом пространстве гипертекста.

Таким образом, диалогичность и полилог (в том числе и с читателем) – фундаментальное свойство текста, потому что установка текста на адресата, читателя обусловлена самой сущностью языка как средства общения. Поэтому любой текст следует рассматривать, как текст, обращенный к читателю. Для художественного текста важно превращение читателя в со-творца, который не просто испытывает эффект обратной связи, но и влияет на уже созданный текст, по-своему определяя ему место в культуре.

Отсюда следует, что художественный текст активно приглашает нас к диалогу, скорее, полилогу. И это не метафора, а реальность текста, который ждет духовно близкого ему читателя. Текст содержит в себе сигналы, назначение которых состоит в том, чтобы обеспечить прием сообщения партнером. Идеи М.М. Бахтина нашли своё последовательное продолжение в трудах философа В.С. Библера, настаивающего на том, что «феномен культуры ... пронизывает все решающие события жизни и сознания людей нашего века» [4, с. 261].

Для того чтобы «диалог культур» состоялся, необходимо наличие как минимум двух культур. При этом культуры не имеют «своей территории», и «культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [3, с. 85]. В силу этого культура и диалог взаимообуславливают друг друга.

Заключение. Именно читатель вступает в диалог с автором, текстом и другими текстами. Текст без читателя – мертвый материал. Поставить проблему сотворчества с читателем заставляет нас развитие нарратологии, рецептивной эстетики, герменевтики.

Художественный текст не единственно возможная репрезентация авторского сознания, а диалог равноправных сознаний – автора и читателя. Всякий читатель – есть исследователь и интерпретатор текста, ибо он обладает собственным жизненным и культурным опытом. Автор же подсознательно стремится отыскать

равного себе собеседника, который смог бы стать со-творцом. Эти идеи выросли на фундаменте диалогической теории М.М. Бахтина.

Список использованной литературы:

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1989.
2. Бахтин, М.М. Проблемы текста / М.М. Бахтин // ВЛ. – 1976. – № 10.
3. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 1979.
4. Библер, В.С. – От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990.
5. Эпштейн, М. Парадоксы постмодернизма в современной русской культуре / М Эпштейн. – Massachusetts, 1996. – С. 385.

Зайцева И.П.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

Профессор, доктор филологических наук

irinazaj91@mail.ru

УДК 821.161.1-14

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛИРИКИ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО РОДА В ОСМЫСЛЕНИИ М.М. БАХТИНА

Статья посвящена интерпретации и раскрытию значимости для современной филологической науки идей М.М. Бахтина о лирике как особом роде литературы (в частности, о предложенном учёным понимании эстетической категории *субъективность* применительно к этому литературному роду), а также об одном из ключевых жанрово-стилистических параметров лирики – *лирическом субъекте*.

Ключевые слова: лирика, субъективность, субъектность, лирический субъект, образ-личность.

CONSTRUCTIVE PARAMETERS OF LYRICS AS A LITERARY KIND IN M.M. BAKHTIN'S UNDERSTANDING

The article is devoted to the interpretation and disclosure of the importance for modern philological science of M.M. Bakhtin's ideas about the lyrics as a special kind of literature (in particular, about the proposed understanding of the aesthetic category *of subjectivity* in relation to this literary genus), as well as one of the key genre-stylistic parameters of the lyrics – *the lyrical subject*.

Key words: lyrics, subjectivity, subjectness, lyrical subject, image-personality.

Введение. Устанавливая отличительные особенности лирики как литературного рода, исследователи в подавляющем большинстве случаев подчёркивают сосредоточенность лирики в первую очередь **на внутреннем мире человека**, на различных эмоциональных, душевных, психологических состояниях человеческой личности, которые в значительной степени определяют и её отношение к происходящим с нею и другими людьми событиям, к окружающим её другим людям. Теория лирики, зародившейся в далёкой античности как искусство синкретичное (соединение хорового пения с декламацией и некоторыми движениями), к настоящему моменту прошла долгий путь, получив наиболее целостное и глубокое осмысление в философско-эстетической концепции Г.В.Ф. Гегеля, дополненной и уточнённой в XX веке работами выдающегося отечественного учёного М.М. Бахтина.

Материал и методы. В настоящей публикации сделана попытка осмыслить филологическое наследие М.М. Бахтина, размышлявшего в том числе и о сути ли-